
По жалобе о нарушении статьи 13 Конвенции

Вопрос о соблюдении права на эффективное средство правовой защиты (в контексте статьи 3 Конвенции)

По делу обжалуется отклонение документальных доказательств, предоставленных ищателями убежища, в отсутствие проверки их подлинности. По делу допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции.

Сингх и другие против Бельгии
[Singh and Others v. Belgium] (№ 33210/11)

Постановление от 2 октября 2012 г. [вынесено II Секцией]

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Заявители и трое их детей являются афганскими гражданами, проживающими в Бельгии. Они прибыли в Бельгию в марте 2011 года авиарейсом из Москвы. Ввиду отсутствия у них законно требуемых документов им было отказано во въезде, и Управление по делам иностранных граждан вынесло решение об их высылке 19 марта 2011 г. Заявители обратились за предоставлением убежища. Они сообщили бельгийским властям, что являются афганскими гражданами, представителями сикхского меньшинства, и что они бежали из Афганистана в Индию в 1992 году из-за гражданской войны, нападений и похищений, которым в то время подвергались сикхские и индуистские общины. Позднее они получили убежище в Москве. В 2009 году заявители, по-видимому, возвратились в Кабул, но не чувствовали себя там в безопасности, почему и бежали в Бельгию. 13 апреля 2011 г. Генеральный комиссариат по делам беженцев и лиц без гражданства (далее – CGRA) отклонил их обращения на том основании, что они не предоставили доказательств своего афганского гражданства. Заявители обжаловали эти решения и предоставили в доказательство новые документы. 24 мая 2011 г. Совет по рассмотрению спорных вопросов иностранных граждан (далее – CCE) отклонил жалобы заявителей и поддержал мотивировку CGRA, согласившись с тем, что заявители не могли подтвердить свое афганское гражданство или достоверность защиты, предоставленной им Управлением верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ). Поскольку процедура предоставления убежища была окончена, решение о высылке, вынесенное Управлением по делам иностранных граждан, датированное 19 марта 2011 г., вступило в силу. 30 мая 2011 г. заявители подали в Европейский Суд ходатайство о принятии предварительной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда в виде приостановления их высылки в Россию, и это ходатайство было удовлетворено на срок рассмотрения дела Европейским Судом. Таким образом, заявители получили разрешение на пребывание в Бельгии и были освобождены из транзитной зоны, поскольку решение о высылке уже не подлежало немедленному исполнению. 22 июня 2011 г. они подали административную кассационную жалобу в Государственный совет, но она была отклонена 8 июля 2011 г.

ВОПРОСЫ ПРАВА

По поводу соблюдения статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции. Высылка заявителей в Россию была приостановлена в порядке исполнения бельгийским государством-ответчиком предварительной меры, на которую было указано 30 мая 2011 г. Однако статус заявителей не изменился, поскольку решение о высылке сохраняло силу, и они были обязаны покинуть Бельгию. Опасения заявителей по поводу того, что российские власти могут выслать их обратно в страну происхождения, не были явно необоснованными. Что касается их страха по поводу обращения в Афганистане, заявители прибыли на бельгийскую границу с удостоверениями личности, а впоследствии были предоставлены копии двух афганских паспортов и копии документов УВКБ. Кроме того, имелись данные о дискриминации и насилии против сикхского меньшинства в Афганистане. С учетом этих материалов утверждения заявителей, которые в своем обращении о предоставлении убежища довели до сведения иммиграционных органов свои опасения относительно возвращения в Афганистан, требовали внимательного рассмотрения со стороны бельгийских властей, и заявители должны были иметь возможность отстаивать свою позицию в этих органах в соответствии с требованиями статьи 13 Конвенции. Ни CGRA, ни CCE не пытались проверить, даже поверхностно, подвергались ли заявители угрозе в значении статьи 3 Конвенции. Такая проверка была заменена на уровне CGRA рассмотрением вопроса о достоверности утверждений заявителей и сомнений в искренности их показаний. Не были выполнены дополнительные проверки с целью, например, установления подлинности документов, предоставленных заявителями, меры, которая позволила бы проверить или устранить данные об угрозах в Афганистане с большей

определенностью. ССЕ не восполнила это упущение несмотря на то, что заявители представили документы, способные рассеять сомнения, выраженные CGRA относительно их личности и имевших место ранее переездах, а именно электронные сообщения, полученные от должностного лица УВКБ в Нью-Дели, которые были направлены при посредничестве Бельгийского комитета помощи беженцам, партнера УВКБ в Бельгии, после вынесения решения CGRA. К этим сообщениям прилагались документы УВКБ, свидетельствующие о том, что заявители были зарегистрированы в качестве беженцев в УВКБ, и подтверждающие даты, сообщенные заявителями, что, следовательно, подкрепляло версию, изложенную ими на допросе в Управлении по делам иностранных граждан. ССЕ не придавал значения этим документам на том основании, что они легко поддавались подделке, а заявители не могли предоставить оригиналы. Затронутый заявителями вопрос о том, злоупотреблял ли ССЕ применением строгого толкования правил о подаче новых документов, выходит за рамки субсидиарных полномочий Европейского Суда. Однако для Европейского Суда достаточно отметить, что единственно важный, по его мнению, вопрос о том, подкрепляли ли документы утверждения о наличии угрозы в Афганистане, не повлек какого-либо расследования, в то время как могли быть наведены справки в органах УВКБ в Нью-Дели, как рекомендовало само УВКБ. С учетом важности статьи 3 Конвенции и необратимого характера потенциального вреда в случае реализации угрозы жестокого обращения национальные власти были обязаны обеспечить рассмотрение с целью подтверждения мнения, каким бы законным оно ни было, о том, что обращение о предоставлении защиты являлось необоснованным, независимо от пределов полномочий надзорного органа. Примененный подход, заключающийся в отклонении этих документов, несмотря на их значение для обращения о предоставлении защиты, признании их не имеющими доказательной силы без проверки подлинности, которая могла бы быть без труда осуществлена путем контактов с УВКБ, расходился со стандартом внимательного и тщательного рассмотрения, которого можно ожидать от национальных властей в соответствии со статьей 13 Конвенции, и не обеспечил эффективной защиты от обращения, нарушающего статью 3 Конвенции. Таким образом, национальные власти не рассмотрели в соответствии с требованиями статьи 13 Конвенции существо доказуемых жалоб заявителей на нарушение статьи 3 Конвенции.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По делу допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции (принято единогласно).

КОМПЕНСАЦИЯ

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Установление факта нарушения составляет справедливую компенсацию причиненного морального вреда.